

DOI: 10.24411/2308-8079-2015-00002

УДК 81-13+811[163.1+161.1]

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД
В СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ И
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТУИЦИИ А.Х. ВОСТОКОВА**

Мельков А.С.

Статья посвящена оценке вклада А.Х. Востокова (1781-1864) в становление и развитие славянской филологии как научной дисциплины. В основе исследования лежит анализ труда Востокова «Рассуждение о славянском языке», ставшего результатом работы ученого по изучению древнейшего рукописного русского памятника «Остромирова Евангелия». Востоков разработал новый для славянской филологии метод, который в современной науке принято называть сравнительно-историческим. Ученым был дан старт научному исследованию памятников старославянской и древнерусской письменности. Благодаря открытиям Востокова были заложены основы русского сравнительно-исторического языкознания.

Ключевые слова: А.Х. Востоков, сравнительно-исторический метод, языкознание, славянская филология, старославянский язык, церковнославянский язык, древнерусский язык.

**COMPARATIVE-HISTORICAL METHOD IN SLAVIC LINGUISTICS AND
ALEXANDER VOSTOKOV'S PHILOLOGICAL INTUITIONS**

Melkov A.S.

The article is devoted to the estimation of Alexander Vostokov's (1781-1864) contribution to the formation and development of the Slavic philology as a scientific discipline. In the foundation of the research there is the analyses of Vostokov's work "Judgement about the Slavic language", which has become the result of the scientist's study the oldest Russian manuscript "Ostromir Gospels". Vostokov devised a new method for the Slavic philology, which is used to call comparative-historical in modern science. The scientist gave the beginning of Old Church Slavonic and Old

Russian written monuments scientific researching. Thanks to Vostokov's discoveries, there has been formed the basis of Russian comparative-historical linguistics.

Keywords: Alexander Vostokov, comparative-historical method, Slavic philology, Old Church Slavic, Church Slavonic, Old Russian.

Имя Александра Христофоровича Востокова (1781-1864) хорошо известно каждому филологу-слависту. Этот неутомимый труженик на ниве научного делания был первым представителем сравнительно-исторической школы в русском языкознании. В своих трудах он занимался вопросами происхождения, истории и развития старославянской письменности, сопоставления между собой разных групп славянских языков, археографическим описанием древних славянских рукописей и т.п. Сравнивая древние и новые славянские языки, устанавливая их родство, А.Х. Востоков разработал новый для славянской филологии того времени метод, который в современной науке принято называть сравнительно-историческим.

Труд Востокова: «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам» [1; 2, с. 1-27] принес автору европейскую известность и славу. В основе этого фундаментального исследования лежит исследование древнейшей русской рукописной книги, и ценнейшего памятника старославянской письменности – Остромирова Евангелия. В своей работе Востоков впервые в истории славянской филологии указал хронологическое место памятников церковнославянского языка, определил его отличия от древнерусского, доказал существование и объяснил фонетическую природу носовых гласных в старославянском языке, определив, что в славянских рукописях буквы ѣ и ѥ обозначали редуцированные гласные звуки, установил периодизацию истории русского языка, объяснил образование окончаний в прилагательных, обнаружил в церковнославянском языке отсутствие деепричастий и наличие супина, названного им достигательным наклонением.

В самом начале «Рассуждения» Востоков поясняет свое понимание терминов «славянский язык» и «словенский язык». «Довольно уже писано о языке славянском, или вернее словенском, на который переложены в IX веке церковные книги для болгар и для моравов» [2, с. 1]. Здесь Востоков говорит о том языке, который в современной науке принято называть древне или старославянским. «Греки, а за ними и другие иностранцы, употребляют *a* в названии славян: склави, склавини, скалаваци, но сами славяне называют себя словенами, словинцами, словаками; и я верю более им, нежели иностранцам» [2, с. 1, прим. 1]. Таким образом, старославянский язык Востоков называет языком «славянским», считая, при этом, что правильнее называть его «словенским».

Далее Востоков предлагает свою периодизацию церковнославянского языка (в современной науке под церковнославянским языком понимают древнерусскую редакцию старославянского языка, употреблявшуюся в качестве литературного языка вплоть до XVII века), начиная от древнейших письменных памятников и заканчивая исправлением печатных церковных книг: «Древний язык заключается в письменных памятниках от IX и за XIII столетие. Он непременно сливается с языком средним XV-го и XVI-го столетий, а за сим уже следует новый славянский, или язык печатных церковных книг. Новый язык утратил многие формы грамматические, которые обогащали язык славянский, и которые открываются еще в среднем языке; но принял зато другие, заимствованные частью из образовавшихся между тем живых языков: русского, сербского, польского, коим говорили переписчики книг, частью же изобретенные позднейшими грамматиками» [2, с. 2].

В то же время, Востоков различает понятия церковнославянского и древнерусского языков. Так, под церковнославянским языком Востоков подразумевает язык печатных церковных книг, а под древнерусским – язык таких памятников, как «Русская Правда» и «Слово о полку Игореве» [2, с. 7]. Касаясь древнего периода истории церковнославянского языка, Востоков говорит: «Разность диалектов, существовавшая, без сомнения, в самой

глубокой уже древности у разных поколений славянских, не касалась в то время еще склонений, спряжений и других грамматических форм, а состояла, большей частью только в различии выговора и в употреблении некоторых особенных слов. Например, русские славяне издревле говорили *волость* вместо *власть*, *городъ* вместо *градъ*, *берегъ* вместо *брегъ*... **щ** в словах: *нощь*, *пещь*, *вращати* и пр. заменяли они издревле буквой **ч**: *ночь*, *печь*, *ворочати*, так как поляки в тех же случаях **щ** заменяют буквой **ц**: *пос*, *ріес*, *врасаѿ*, а сербы **ћ**: *ноћ*, *пјећ*, *враћати*. Таким же образом церковнославянское **жд** заменяется у русских одиноким **ж**: *вожь* вместо *вождь*, *дажь* вместо *даждь*, у поляков **dz**: *wódz*, у сербов **ђ**: *вођ*. Русские не имели также звуков, выражаемых буквами **ж**, **л** кирилловской азбуки, а вместо оных **у**, **я** выговаривали» [2, с. 7-8]. Востоков указывает на то, что среди слов, которые фонетически отличали древнерусский язык от церковнославянского были некоторые частицы, местоимения, наречия, например, *оже* вместо *еже*, *аже* и *аче* вместо *аще*, *ать* вместо *да*, *оли* и *олны* вместо *даже* *до* и пр. [2, с. 13].

Определяя место русского языка среди других славянских языков, Востоков указывает на то, что для русского языка характерно наличие так называемых «западных примет»: *-роз*, *-вы*, (*розговѣнье*, *розно*, *порознь*, *выбрать*, *выгнать*); *потка-птаха*. Одновременно с этим ученый говорит, что русский язык отличается от западославянских языков отсутствием **ř** (*речь* вместо пол. *rzecz*, чеш. *řeč*) и **dl** (*сало*, *мыло* вместо пол. *sadło*, чеш. *mýdlo*) и наличием **l-epentheticum** (*земля* вместо пол. *ziemia* или чеш. *země*, *люблю* вместо пол. *lubię* или словц. *ľúbim*) [2, с. 14-15].

Отсюда Востоков делает вывод, что русский язык «составляет средину между восточными и западными диалектами славянскими» [2, с. 15] (т.е. Востоков к восточной группе относит те наречия, которые в современной науке справедливо относят к южной).

Востоков установил следующую закономерность: чем древнее письменные памятники различных славянских диалектов, тем ближе они между собой. Из этого Востоков делает вывод, что «во времена Константина и

Мефодия все племена славянские, как западные, так и восточные, могли разуместь друг друга так же легко, как теперь, например, архангелогородец или донской житель разумеет москвича или сибиряка. Грамматическая разность диалектов русского, сербского, хорватского, между славянами восточного племени стала ощутительной уже спустя, может быть, 300 или 400 лет после преложения церковных книг» [2, с. 13-15].

Периодизация истории русского языка по Востокову выглядит следующим образом: во второй половине XIV века при Дмитрие Донском живой русский язык начинает все сильнее отличаться от книжного церковнославянского языка, который также претерпевал изменения. Из древнерусского языка, на котором написаны «Правда Ярослава», «Поучение Мономаха» и «Слово о полку Игореве» формируется среднерусский – язык Судебника и Уложения, который потом к XVIII столетию постепенно переходит в «новейший» русский язык [2, с. 13].

Особого внимания в труде Востокова заслуживает раскрытие ученым фонетической природы юсов (т.н. «тайна юсов»). «Сопоставляя данные из живого польского языка со старославянским языком на основании анализа Остромирова Евангелия, Востоков пришел к неожиданным и смелым для своего времени выводам. Буквы **ж** и **ѣ**, и их йотированные сочетания **ѣж** и **ѣа** в кириллице имели тоже фонетическое значение, что и современные польские **ą**, **ę**, **ja**, **je**» [3, с. 439]. Следовательно, по мнению Востокова, носовые звуки существовали в старославянском языке еще в IX веке, когда был сделан Кирилло-Мефодиевский перевод Священного Писания [2, с. 8].

Сравнительно-исторический анализ старославянского и современного польского языков привел Востокова к следующим результатам:

Употребление ж:

В Остромировом Евангелии употреблен **ж** там, где в современном польском языке имеются носовые **ą** и **ę**, например:

В словах **ж=ą**: зжбъ, мжжъ, голжбъ (ząb, maż, gołąb).

ж=ę: гжба, ржка, жгъль (gęba, ręka, węgiel).

В окончаниях **ж=ѣ**: в винительном падеже женского рода: вѣрж, силж, рукж (wiareę, siłę, rękę).

ж=а: в творительном падеже женского рода: вѣрож, силож, ржкож (wiaraę, siłaę, rękaę – в польском слитно или сокращенно **ж=а** вместо **оѣж**).

ж=ѣ: 1-е лицо ед. ч. настоящего и будущего времени глаголов: идж, пишж, двигж, бждж (idę, piszę, dźwignę, będę; но окончание **-аѣж** в польском изменилось в **-ам**: bywam).

ж=а: в 3 лице множественного числа тех же времен: иджть, пишжть, бываѣжть, двигжть, бжджть (idą, piszą, bywają, dźwigną, będą);

в причастиях: иджще, пишжще, двигжжвѣ (idąc, pisząc, bywając, dźwignąwszy).

В тоже время там, где в польском языке встречается чистое **и**, там и в Остромировом Евангелии – всегда **оу**, например, оухо, оуста, оучити, боудити, шоумь (ucho, usta, uszyć, budzić, szum); тоже в окончаниях дательного падежа ед. ч. мужского и среднего рода, например: вѣтроу велику, зърноу гороушьноу (wiatrowi wielkiemu, ziarnu gorczycznemu).

Употребление **л**:

л ставится там, где в польском языке **ja, je** или **a, e** стоят после **l, ż, rz, cz**:

В словах **л=ja, a**: ѣти, приѣти, вѣзти, жати, зачати, радѣ, клатва, садж (jać, przyjać, wziąć, żać, zacząć, rząd, klątwa, siąść).

л=je, e: патѣ, десатѣ, сватѣи, зачатѣи, ѣзыкѣ (pięć, dziesięć, święty, zaczęty, język);

В окончаниях **л=je, e**: у существительных среднего рода: имл, жрѣбл, телл (imę, źrzebieę, cieleę).с

В местоимениях: мл, тл, сл (mię, cię, się).

л=ja, a в 3 лице множественного числа глаголов настоящего и будущего времени: творатѣ, хвалатѣ, стоатѣ (tworzą, chwalaą, stoją);

в причастиях: любл, седл, оучл, имѣл (lubiąc, siedząc, ucząc).

Вместе с тем Востоков установил, что некоторые окончания, соответствующие старославянским **ѧ**, **ѧѧ**, в польском языке утратили свой назализм или вообще не имели его.

Например, существительные женского рода на *-жа*, *-за*, *-ча*, *-ца*, *-ла*, в родительном падеже ед. ч. – **ша**, **жа**, **ча**, **ца**, **ѧ** в польском языке имеют **y**, **i** вместо **ę**: *доуша*, *овьца*, *вола*, *змиѧ* – *duszy*, *owcy*, *woli*, *źmii*.

В тех же случаях окончания именительного падежа мн. ч., совпадающие с родительным падежом ед.ч. в старославянском языке (на **-ѧ** или **-ѧѧ**) в польском языке имеют **-e**: *dusze*, *owce*, *wole*, *źmije* [2, с. 8-9].

В правильности выводов о регулярном соответствии юсов с носовыми звуками польского языка Востокова убедил еще и тот факт, что в некоторых старопечатных книгах и рукописях наблюдается смешение **ж** и **ѧ**. Подобное смешение предполагает сходство самих звуков, а в случае с юсами наибольшее их фонетическое сходство между собой наблюдается в назализме. Данное сходство Востоков обнаружил в Краковском часослове 1491 года, в найденных им двух рукописных Евангелиях и в отрывке Месячной Минеи Императорской Публичной библиотеки, а так же в Судебнике польского короля Казимира IV [2, с. 10-12].

Своими открытиями относительно разгадки «тайны юсов» Востоков поделился с известными филологами своей эпохи. Так, в 1824 году Востоков по просьбе своего покровителя, канцлера Российской империи графа Н.П. Румянцева, отправил выдающемуся чешскому филологу-слависту Й. Добровскому снимки Остромирова Евангелия с приложением подробного описания фонетической природы юсов [4, с. 100-116].

Добровский с интересом отнесся к наблюдениям Востокова. Об этом свидетельствует письмо историка и этнографа П.И. Кеппена к Добровскому: «Es freut mich, dass Sie endlich doch einige Fac-Simile aus dem Ostromirischen Evangelien durch unseren Wostokow erhalten haben. Dass das **ж** dem polnischen **ą** entsprechen haben mag scheint doch so manches für sich zu haben, da es dort wohl kein **y**, oder **iъ** gewesen sein kann (dem Laute nach)». (Меня радует, что Вы,

наконец, получили снимки Остромирова Евангелия, благодаря нашему Востокову. То, что в ж может соответствовать польскому а, кажется, в этом что-то есть, т.к. это, вероятно, не чистое у или іъ может быть (по звучанию). Пер. с нем. – А.М.) [4, с. 426]. Но, получив от Востокова обстоятельное и полное научных открытий письмо, Добровский не ответил ни самому Востокову, ни даже графу Румянцеву, так, что Канцлер написал ему довольно жесткое письмо: «Il y a très longtemps, Monsieur, que j'ai eu l'honneur de Vous envoyer les fac-simile que Vous désiriez avoir et que M-r Vostokoff a recueilli et a accompagné d'une très longue lettre qui n'est pas sans intérêt. Quoique Vous ne m'avez pas fait l'honneur de m'accuser la reception de cet envoi, je sais, Monsier, qu'il Vous parvenu». (Милостивый Государь, прошло довольно много времени с тех пор, как я имел честь послать Вам факсимиле, которое Вы желали иметь и которое господин Востоков составил и сопроводил довольно длинным письмом, не лишенным интереса. Хотя Вы не оказали чести подтвердить получение этого письма, я знаю, Милостивый Государь, что Вы – выскочка. Пер. с франц. – А.М.) [4, с. 427].

Добровский ответил графу только в июле, и то коротким письмом, «в котором Добровский чрезвычайно хвалит присланные к нему разные fac-simile» [4, с. 427].

Исходя из этих писем, нельзя считать, что Добровский, будто оценив по достоинству присланные Востоковым снимки, не оценил самого письма Востокова, которое было, несомненно, важным для Добровского не менее, чем сам снимок. Видимо, Добровский не все понял из того, что писал ему Востоков, особенно о природе юсов, может, и не хотел понять, не совсем надеясь на верность выводов Востокова, для чешского ученого новых и слишком смелых. Вероятно, Добровский, поняв, что Востоков первым сделал столь важное открытие, по-человечески стал завидовать успехам русского ученого, отчего даже не прислал ему своей новой книги о святых Кирилле и Мефодии.

Главное открытие Востокова относительно «тайны юсов» не достигло своей цели не только в глазах Добровского, но и у одного из основоположников

славистики, словенского лингвиста В. Копитара. Так, в мае 1822 года Копитар, анализируя «Рассуждение» Востокова относительно сопоставления ж с а и е, сообщил в письме Добровскому о том, что аббат, вероятно, будет смеяться над этим открытием русского ученого [5, с. 131-132]. Вряд ли Добровский действительно смеялся, но, как и указывалось выше, не разделял убеждения Востокова. Так, Добровский в письме к своему другу, польскому филологу Е. Бандтке, от 4 марта 1824 года писал: «Wostokows Einfall ж für das polen а und е zu halten, ist ohne Grund» [5, с. 131]. (Идеи Востокова считать ж за польские а и е не имеют основания. Пер. с нем. – А.М.).

Копитар же даже в 1836 году, издавая свой знаменитый «Glagolita Clozianus», никак не хотел принять точку зрения Востокова, считая ж и л сверхдолгими гласными и сомневаясь в их носовой фонетической природе [7, р. 51]. Это упорство Копитара объясняется отчасти тем, что он считал церковнославянский язык прародителем современного словенского, который, за небольшими исключениями не знает назализма. Из-за этого Копитар с недоверием относился и к проблеме носовых гласных в польском языке [5, с. 218].

В своем «Рассуждении» Востоков определяет природу редуцированных гласных ъ и ь как «стремление воздуха из гортани, потребное для образования пяти гласных а, е, і, о, и, но не достигающее сего полного изглашения, потому, что на половине пути остановленное ударяется в небо вместо того, чтобы устремиться в отверстие рта». Разницу между ъ и ь Востоков видел в следующем: «ь ближе подходит к полным гласным от того, что гортанный воздух для произношения его совершает в устах более пути и ударяется в переднюю часть неба, почти к деснам; ъ напротив того при самом исходе из гортани в небо ударяется».

Относительно ъ Востоков говорит и то, что «сей последний звук в глубине рта поднебный звук между всеми европейскими языками одному только славянскому принадлежит, да и между славянами остался, как кажется, у одних русских и поляков. Но ъ или й находится и в других языках под

именем **ј**» [2, с. 18]. Он знал, что сербы употребляют только **ь**, утрату **ы** он ставил в связь с утратой **ъ**, так начертание **ы** в Изборнике 1076 года он называл сербским [2, с. 18]. Как видно, Востоков верно определил этимологическое происхождение обоих редуцированных гласных, вплотную приблизившись к разгадке природы сверхкратких фонем.

Говоря о частях речи, Востоков делает важные выводы о прилагательном. Он установил, что «усеченные» прилагательные, то есть, краткие, которые ученый называл «простыми», склонялись в старославянском языке как существительные, например: *десѧть прокаженъ мжжь, мьногомъ лъжемъ свѣдѣтелемъ пристоупльшемъ, многоамъ доушамъ крестыаньскамъ, потребами монастырьсками*. Также Востоков установил, что полные (сложные) прилагательные образуются путем прибавления к краткой форме личного (указательного) местоимения **и**, **ю**, **ја**, например в им. пад.: *добръ-добръи*, *добро-доброю*, *добра-добраја*; род. пад.: *добра-добрааго*, *добры-добрыа*; дат. пад.: *доброу-доброуоумоу*, *добрѣ-добрѣи* и т.п. Далее Востоков поясняет: «в среднем славенском языке стали сливать сии стечения двух гласных в один звук: *добраго* вм. *добрааго*, *доброму* вм. *добрюуму*» [2, с. 21]. Востоков говорит о «произвольном слиянии гласных», т.е. о том, что теперь называется стяжением, но не поясняет причину появления окончания типа **добромоу** (дат. пад.), которое появляется вследствие влияния местоименного склонения типа **того, томоу**.

Говоря о глаголе, Востоков делает следующее замечание: «Древний язык славенский не имел, равно как и греческий, той формы глагола, которая называется деепричастием. Окончания сей формы: *любя*, *дѣлая*, *любивъ*, *сдѣлавъ* и пр. существовали и в древнем языке, но принадлежали к причастию» [2, с. 22].

Свои выводы Востоков обосновывает следующим образом. В усеченных (или простых) причастиях именительного падежа ед. ч. мужской и средний род имели следующие окончания: в настоящем времени **-а**, **-ы** (в древнерусском диалекте **-а**), **-ага** или **-агаа**, например: *слышѧ*, *веды* или *веда*, *оставляѧ*; в

прошедшем времени *-въ, -ь, -ь*, например: *слышавъ, приведъ, оставль*. В женском роде к этим окончаниям прибавлялись в настоящем времени *-щи* с предшествующей гласной *а* либо *ж*, в прошедшем времени *-ши*; во множественном числе мужского и среднего рода *-ще, -ше*, среднего рода *-ща, -ша*.

Полные (или, как говорит Востоков, сложные) причастия образовывались путем прибавления личного (указательного) местоимения 3 лица к мужскому роду непосредственно: *слышѧи, ведѧи, оставлѧи, слышавѧи, оставлиѧи*; но в среднем и женском роде перед этими окончаниями вставлялся суффикс *-щ, -ш*: *слышащеѧ, слышавъшеѧ, ведъшеѧ, оставлаѧщеѧ, оставльшеѧ*, те же вставки были и в косвенных падежах мужского рода: например, в род. пад.: *слышѧща* или *щаага*, дат. пад. *слышѧщюу* или *щюуоумоу*, вин. пад. *слышѧщь*. Востоков указывает, что «позднейшая форма причастия муж. рода: *-щій, -вшій* столько же чужда древнему языку, сколько и то, чтоб в женском роде употреблять *-ѧ, -аѧ* и пр.» [2, с. 22].

Отсюда современные формы деепричастий несовершенного вида на *-а* после мягкого согласного или шипящего: *сидя, глядя, любя* восходят к старой форме причастия им. пад. ед. ч. мужского рода настоящего времени, а редкие в современном русском языке деепричастия на *-учи* – после мягкого согласного или шипящего: *идучи, сидючи, глядючи* происходят от форм причастий им. пад. ед. ч. женского рода.; деепричастия совершенного вида на *-в* по происхождению являются старыми формами причастий им. пад. ед. ч. мужского и среднего рода: *любив*, а на *-ви* – им. пад. ед. ч. женского рода прошедшего времени: *живши*.

По мнению Востокова, «деепричастие вошло в русский и другие новейшие диалекты славянские, вероятно от вкравшегося мало помалу неправильного употребления разных окончаний причастия, одних вместо других» [2, с. 23]. Т.е. старые именные действительные причастия теряют формы словоизменения и превращаются в неизменяемую форму – деепричастие.

Подобные примеры Востоков находит в древнерусских памятниках. Например, в Лаврентьевской летописи: «оувѣдѣше же се ѡканьнии стопокъ» (причастие мн. ч., вместо ед. ч. оувѣдѣвъ); «стояша на вежахъ 3 дни веселяся (ед. ч., вместо мн. ч. веселящееся); «и ста на Сити а ждучи к собѣ брата своего» (жен. род, вместо муж. рода *жды*). В Степенной книге Востоков отмечает неправильное употребление мужского рода причастий вместо женского, например, говоря о княгине Ольге: «Радуйся, яже от юности *стяжавый* честное цѣломудрїя дѣвство и в супружествѣ *снабдѣвый* непорочное брака единомысленное сожительство; радуйся егда *вдовствуя*, тогда наипаче *уяснивъ* честное и чистое души своя благолѣпіе» [2, с. 23].

Востоков вслед за Й. Добровским установил наличие в старославянском языке супина. «Когда личный глагол (изъявительного или повелительного наклонения) означает *намерение* или *мысленное устремление* к делу, само *делание* или *продолжение* дела, *начатие* и *прекращение* оно, одним словом, *нахождение* дела *под рукой*, *прикосновение к оному*, умственное или физическое; тогда неопределенное наклонение имело употребительное и в позднейшем языке окончание *-ти*, *-щи* (в русском изменившееся на *-ть*, *-чь*).

Когда же личный глагол означает *шествие*, *течение*, *послание*, *пускание*, *ведение* на какое-либо дело, одним словом, *достижение* к оному, тогда неопределенное наклонение оканчивалось на *тъ*, *щъ*» [2, с. 24].

Подобные примеры Востоков нашел в Остромировом Евангелии: *придоша послушатъ* него и *исцѣлитъся* отъ неджгъ (Лук. 6.18); *посла* и *пастъ* свинии (Лук. 15.15). Супин был обнаружен Востоковым и в древнерусском языке: «В Лаврентьевском списке: *ѣхаша къ городу битъся*, лист. 113; *поганьша распустиша воеватъ*. 145. В Новгородских договорных грамотах с великими князьями (Собрание Государственных грамот и договоров, т. I) включено условие: *ѣздити на Озвадо звѣри гонитъ*; и на обороте первой грамоты приписано: *се приѣхаша послы отъ Менгутемира царя сажатъ Ярослава*» [2, с. 24].

Продолжая свои размышления, Востоков говорит, что «сей вид неопределенного наклонения, в XV веке уже у русских из употребления вышедший, встречается еще постоянно в Лаврентьевском списке и в других памятниках XVI века. Но потом не видать уже оно, и грамматики славянские об оном ни слова не упоминают. Между тем у хорватов, краинцев и богемцев сохранилась форма сия, и кажется в том же значении, в каком встречается она в древнейших памятниках церковнославянского и русского языка. Помянутые южные славяне в грамматиках своих назвали сие окончание латинским термином *supinum*. Латинский супин на *-tum* действительно сочиняется с глаголами движения или шествия к предмету, напр. *Spectatum veniunt*. Ovid. *Graiiis servitum matribus ibo*. Virg. Мне доселе не случалось читать примеров употребления сего так называемого супина в хорватском и краинском; но встречавшиеся мне в богемском языке примеры все сопровождались глаголом иду; напр. В Грамматике Неудля: *gdi spat, ssel ryb lovit, na Tabor ssli d'etý swyh křtit*» [2, с. 24-25].

Добровский в своем «Slawin» [6, S. 382] первым обратил внимание на существование в старославянском языке особой формы глагола, которую он назвал по аналогии с латинским языком супином. Однако Востоков решил дать данному грамматическому явлению название на русском языке, чтобы «отличить и другой вид неопределенного наклонения приличным термином. Соответственно понятию, представляемому сими двумя видами, можно назвать первый из оных неопределенным присущего или подручного действия (т.е. действия, находящегося под рукою, или подлежащего свершению), или, короче, неопределенным свершительным, а второй неопределенным достигательного действия, или, короче, неопределенным достигательным» [2, с. 25]. Таким образом, супин Востоков называет достигательным наклонением.

Все выводы, содержащиеся в «Рассуждении» Востокова, стали тогда важным открытием в глазах не только русских, но и европейских ученых. Заслуга Востокова состояла в том, что толчок, данный им в филологической разработке старославянского языка, положил начало исследованиям славянских

языков при помощи сравнительно-исторического метода, который сохраняет свою актуальность и в современной филологической науке. К сожалению, позже всего важность открытий Востокова была признана в России: «до 1840-х годов их знали и ценили очень немногие... Только с открытия кафедр славянской филологии в университетах наших стали утверждаться идеи, высказанные Востоковым в его «Рассуждении», в более широком круге распространяясь и в средние учебные заведения, и применяясь к исследованиям о современном русском языке» [2, с. XXVII].

Выход в свет «Рассуждения» высоко поднял авторитет Востокова в ученом сообществе России. Во внимание к научным заслугам А.Х. Востокова 5 июня 1820 года он был избран действительным членом Императорской Академии Наук, в том же году он был избран почетным членом Вольного Общества любителей Российской словесности [2, с. XXVIII].

Благодаря А.Х. Востокову в России было положено начало научного изучения древнеславянского рукописного наследия и лингво-текстологического исследования памятников старославянской и древнерусской письменности.

Список литературы:

1. Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка // Труды Общества любителей Российской словесности при Московском университете. 1820. Т. XVII. Ч. XIX. С. 5-61.

2. Востоков А.Х. Филологические наблюдения А.Х. Востокова / Издал по поручению 2-го Отделения Академии наук И. Срезневский. СПб., 1865. LXXXIII, 330 с.

3. Мельков А.С. А.Х. Востоков. Фонетическая природа юсов // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы Всероссийской конференции молодых ученых. М.-Ярославль, 2006. С. 438-442.

4. Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с обстоятельными примечаниями // Сборник II отделения Императорской Академии Наук. СПб., 1873. Т. V. Вып. 2. С. 1-504.

5. Ягич И.В. Энциклопедия славянской филологии. СПб, 1910. 960 с.

6. Dobrovsky J. Slawin. Bothschaft aus Böhmen an alle Slawischen Völker, oder Beiträge zur Kenntniss der Slawischen Literatur nach allen Mundarten. Prag. 1806. 481 S.

7. Kopitar B. Glagolita Clozianus, id est Codicis Glagolitici inter suos facile antiquissimi [...] servatum in Bibliotheca [...] Comitis Paridis Cloz Tridentini. Vindobonae, 1836. LXXX, 87 p.

Сведения об авторе:

Мельков Андрей Сергеевич – доктор теологических наук, кандидат филологических наук, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор, Президент Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the author:

Melkov Andrey Sergeevich – Doctor of Theological Sciences (ThD Hab.), Candidate of Philological Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Professor, President of Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

E-mail: president@isgi.ru.